

Т.В. Надозирная, Л.А. Скубачевская

Сказки: «Повесть о том, как один мужик двух генералов прокормил», «Дикий помещик», «Премудрый пискарь»

История создания

Выдающимся достижением последнего десятилетия творческой деятельности Михаила Евграфовича Салтыкова-Щедрина (1826–1889) является книга «Сказки», включающая тридцать два произведения. Это — одно из самых ярких и наиболее популярных творений великого сатирика. За небольшим исключением сказки создавались в течение четырех лет (1883–1886), на завершающем этапе творческого пути писателя. Сказка представляет собою лишь один из жанров творчества Салтыкова-Щедрина, но она органически близка художественному методу сатирика.

Написание целой книги сказок в первой половине 1880-х годов объясняется, конечно, не только тем, что к этому времени сатирик творчески овладел жанром сказки. В обстановке правительственной реакции сказочная фантастика в какой-то мере служила средством художественной маскировки наиболее острых идейно-политических замыслов сатирика. Приближение формы сатирических произведений к народной сказке открывало также писателю путь к более широкой читательской аудитории. Поэтому в течение нескольких лет Салтыков-Щедрин с увлечением работает над сказками. В эту форму, наиболее доступную народным массам и любимую ими, он как бы переливает все идейно-тематическое богатство своей сатиры и создает своеобразную малую сатирическую энциклопедию для народа. Отдельные сказки Салтыкова-Щедрина перепечатывались в столичных и провинциальных изданиях, а те из сказок, которые были запрещены царской цензурой («Медведь на воеводстве», «Орел-меценат», «Вяленая вобла» и др.), распространялись в нелегальных изданиях — русских и зарубежных.

Сказки «*Повесть о том, как один мужик двух генералов прокормил*» и «*Дикий помещик*» впервые были опубликованы в журнале «Отечественные записки» в 1869 году. «*Премудрый пискарь*» в 1883 году был опубликован в Женевской газете «Общее дело» под редакционной рубрикой «Сказка для детей изрядного возраста», без подписи. В России эта сказка впервые была напечатана в журнале «Отечественные записки» в 1884 году в публикации под общим заглавием «Сказки».

Особенности жанра и творческого метода

«Сказки», представляя собой итог многолетней работы писателя, синтезируют идейно-художественные принципы Салтыкова-Щедрина, его оригинальную манеру письма, многообразие его изобразительных средств и приемов, достижения его мастерства в области сатирической типизации, портретной живописи, диалога, пейзажа. Они ярко демонстрируют силу и богатство его юмора, его искусство в применении гиперболы, фантастики, иносказания для реалистического воспроизведения жизни. Поэтому «Сказки» являются именно той книгой Салтыкова-Щедрина, которая наилучшим образом раскрывает читателю богатый духовный мир и многогранную творческую индивидуальность русского художника-мыслителя.

Богатое идейное содержание щедринских сказок выражено в общедоступной и яркой художественной форме, воспринявшей лучшие народно-поэтические традиции. «Сказка, — говорил Гоголь, — может быть созданием высоким, когда служит аллегорическою одеждою, облекающею высокую духовную истину, когда обнаруживает ощутительно и видимо даже простолыдину дело, доступное только мудрецу». Таковы именно сказки Салтыкова-Щедрина. Они написаны простым, сжатым и выразительным языком.

Слова и образы для своих чудесных сказок сатирик «подслушал» в народных сказках и легендах, в пословицах и поговорках, в живописном говоре толпы, во всей поэтической стихии живого народного языка. Связь сказок Салтыкова-Щедрина с фольклором проявилась и в традиционных зачинах с использованием формы давно прошедшего времени («Жил-был...»), и в употреблении присказок («по щучьему веленью, по моему хотенью», «ни в сказке сказать, ни пером описать» и т. п.), и в частом обращении сатирика к народным изречениям, всегда поданным в остроумном социально-политическом истолковании.

Близость сатиры Салтыкова-Щедрина к произведениям народно-поэтической словесности наиболее заметно обнаруживается не в композиции, жанре или сюжетах, а в образной стилистике. Сатирика привлекал в фольклоре прежде всего склад народной речи, образность народного языка. Отсюда его интерес к народным афоризмам, закрепленным в пословицах и поговорках. Сатирик находил их и непосредственно в живой разговорной речи, и в соответствующих сборниках своего времени (публикации Ф. Буслаева и И. Снегирева и др.).

И все же, несмотря на обилие фольклорных элементов, сказка Салтыкова-Щедрина, взятая в целом, не похожа на народные сказки, она ни в композиции, ни в сюжете не повторяет традиционных фольклорных схем. Сатирик не подражал фольклорным образцам, а свободно творил на основе их и в духе их, творчески раскрывал и развивал их глубокий смысл в соответствии со своими замыслами, брал их у народа, чтобы вернуть народу же идейно и художественно обогащенными. Поэтому даже в тех случаях, когда темы или отдельные образы сказок Салтыкова-Щедрина находят себе близкое соответствие в ранее известных фольклорных сюжетах, они всегда отличаются оригинальным истолкованием традиционных мотивов, новизной идейного содержания и художественным совершенством. Здесь, как и в сказках Пушкина и Андерсена, ярко проявляется обогащающее воздействие художника на жанры народной поэтической словесности.

Опираясь на богатейшую образность сатирической народной сказки, Салтыков-Щедрин дал непревзойденные образцы лаконизма в художественной трактовке сложных общественных явлений. Каждое слово, эпитет, метафора, сравнение, каждый образ в его сказках обладают высоким идейно-художественным значением, концентрируют в себе, подобно заряду, огромную сатирическую силу.

Сказки, где представлены картины жизни всех социальных слоев общества, могут служить как бы хрестоматией образцов юмора Салтыкова-Щедрина во всем богатстве его эмоциональных оттенков и художественных проявлений. Здесь и презрительный сарказм, клеймящий царей и царских вельмож («*Медведь на воеводстве*», «*Орел-меценат*»), и веселое издевательство над дворянами-паразитами («*Повесть о том, как один мужик двух генералов прокормил*», «*Дикий помещик*»), и пренебрежительная насмешка над позорным малодушием либеральной интеллигенции («*Премудрый пискарь*», «*Либерал*»), и смешанный с грустью смех над доверчивым простецом, который наивно полагает, что можно смирить хищника призывая к добродетели («*Карась-идеалист*»).

Салтыков-Щедрин был великим мастером иронии, то есть тонкой, скрытой насмешки, облеченной в форму похвалы, лести, притворной солидарности с противником. В этой ядовитейшей разновидности юмора Салтыкова-Щедрина превосходил в русской литературе только один Гоголь. В «Сказках» ирония Салтыкова-Щедрина блещет всеми красками.

Темы, мотивы, символы

В сложном идейном содержании сказок Салтыкова-Щедрина можно выделить три основные темы: сатира на правительственные верхи самодержавия и на эксплуататорские классы, изображение жизни народных масс в царской России и обличение поведения и психологии обывательски настроенной интеллигенции. Но, конечно, строгое тематическое разграничение сказок Салтыков-Щедрина провести невозможно и в этом нет необходимости. Обычно одна и та же сказка наряду со своей главной темой затрагивает

и другие. Так, почти в каждой сказке писатель касается жизни народа, противопоставляя ее жизни привилегированных слоев общества.

Резкостью сатирического нападения непосредственно на правительственные верхи самодержавия выделяется «Медведь на воеводстве». Сказка, издевательски высмеивающая царя, министров, губернаторов, напоминает тему «Истории одного города», но на этот раз царские сановники представлены в виде сказочных медведей, свирепствующих в лесных трущобах.

С едким сарказмом обрушился Салтыков-Щедрин на представителей массового хищничества — дворянство и буржуазию, действовавших под покровительством правящей политической верхушки и в союзе с нею. Они выступают в сказках то в обычном социальном облике помещика («Дикий помещик»), генерала («Повесть о том, как один мужик двух генералов прокормил»), купца («Верный Трезор»), кулака («Соседи»), то — и это чаще — в образах волков, лисиц, щук, ястребов и т. д.

Умение сатирика обнажать «хищные интересы» крепостников и возбуждать к ним народную ненависть ярко проявилось уже в первых сказках Салтыкова-Щедрина — «Повесть о том, как один мужик двух генералов прокормил» и «Дикий помещик». Приемами остроумной сказочной фантастики Салтыков-Щедрин показывает, что источником не только материального благополучия, но и так называемой дворянской культуры является труд мужика. Генералы-паразиты, привыкшие жить чужим трудом, очутившись на необитаемом острове без прислуги, обнаружили повадки голодных диких зверей, готовых пожрать друг друга. Только появление мужика спасло их от окончательного озверения и вернуло им обычный «генеральский» облик. Что же было бы, если бы не нашелся мужик? Это досказано в повествовании о диком помещике, изгнавшем из своего имени всех мужиков. Он одичал с головы до ног оброс волосами, «ходил же все больше на четвереньках», «утратил даже способность произносить членораздельные звуки». Наряду с сатирическим обличением привилегированных классов и сословий Салтыков-Щедрин затрагивает в сказке о двух генералах и вторую основную тему произведений сказочного цикла — положение народа в эксплуататорском обществе. С горькой иронией изобразил сатирик рабское поведение мужика. Кричащее противоречие между огромной потенциальной силой и классовой пассивностью крестьянства представлено на страницах многих других сказок Салтыкова-Щедрина. С горечью и глубоким состраданием воспроизвел писатель картины нищеты, забитости, долготерпения, массового разорения крестьянства, изнывавшего под тройным ярмом — чиновников, помещиков и капиталистов.

Значительная часть сказок Салтыкова-Щедрина посвящена разоблачению поведения и психологии интеллигенции, запуганной правительственными преследованиями и подавшейся в годы политической реакции настроениям постыдной паники. Представители этой категории людей нашли в зеркале сказок Салтыкова-Щедрина сатирическое отражение в образах премудрого пискаря, вяленой воблы, самоотверженного зайцы, здраво-мыслящего зайца, российского либерала.

Изображением жалкой участи обезумевшего от страха героя сказки «Премудрый пискарь», пожизненно замуровавшего себя в темную нору, сатирик выставил на публичный позор интеллигента-обывателя, высказал презрение к тем, кто, покоряясь инстинкту самосохранения, уходил от активной общественной борьбы в узкий мир личных интересов. С «Премудрым пискарем» по теме сближается одна из самых едких сатир на либерализм — сказка «Либерал». Благородно мыслящий либерал сначала робко выпрашивал у правительства реформ «по возможности», затем — «хоть что-нибудь», а кончил тем, что стал действовать «применительно к подлости»...

Главные герои

«Повесть о том, как один мужик двух генералов прокормил»

В образе *мужика* Салтыков-Щедрин рельефно изобразил силу и слабость русского крестьянства в эпоху самодержавия. Среди обилия плодов, дичи и рыбы ничемные генералы погибали на острове от голода, так как могли овладеть куропаткой только в изжаренном виде. Беспомощно блуждая, они наконец набрали на спящего «лежебоку» и заставили его работать. Это был громаднейший мужичина, мастер на все руки. Он и яблок достал с дерева, и картофеля в земле добыл, и силок для ловли рябчиков из собственных волос изготовил, и огонь извлек, и разной провизии напек, чтобы накормить прожорливых туняйцев, и пуха лебяжьего набрал, чтобы им мягко спалось. Да, это сильный мужичина! Перед его силой не устояли бы генералы. А между тем он безропотно подчинился своим порабитителям. Дал им по десятку яблок, а себе взял «одно, кислое». Сам веревку свил, чтобы генералы держали его ночью на привязи. Да еще благодарен был «генералам за то, что они мужицким его трудом не гнушались».

«Дикий помещик»

Глупый и жестокий *помещик*, имеющий «мягкое, белое и рассыпчатое тело», избавившись от грязных и некультурных крестьян, превратился в звероподобное существо: «Весь он, с головы до ног, оброс волосами, словно древний Исав, а ногти у него сделались как железные. Сморгаться ж он давно перестал, ходил же все больше на четвереньках и даже удивлялся, как он прежде не замечал, что такой способ прогулки есть самый приличный и самый удобный. Утратил даже способность произносить членораздельные звуки и усвоил себе какой-то особенный победный клик, среднее между свистом, шипеньем и рывканьем. Но хвоста еще не приобрел». Когда же крестьяне чудесным образом вернулись и в губернии опять установился порядок, то этого помещика с трудом изловили, «изловивши, сейчас же высморкали, вымыли и обстригли ногти», но он, раскладывая гранпасьянс, «тоскует по прежней своей жизни в лесах», а «умывается лишь по принуждению и по временам мычит».

«Премудрый пискарь»

Умные отец и мать завещали сыну-пискарю: «Пущего всего берегись уды! Потому что хоть и глупейший это снаряд, да ведь с нами, пискарями, что глупее, то вернее». Но сын-пискарь сам был премудрый и решил, что «надо так прожить, чтоб никто не заметил». Он сделал себе такую нору, чтоб он один мог в нее забраться, а никому другому уже не влезть. «Вторым делом, насчет житья своего решил так: ночью, когда люди, звери, птицы и рыбы спят — он будет моцион делать, а днем — станет в норе сидеть и дрожать. Но так как пить-есть все-таки нужно, а жалованья он не получает и прислуги не держит, то будет он выбегать из норы около полден, когда вся рыба уж сыта, и, Бог даст, может быть, козьявку-другую и промыслит. А ежели не промыслит, так и голодный в норе ляжет, и будет опять дрожать». Прожив таким образом более ста лет, пискарь задумался, «стал он раскидывать умом, которого у него была палата, и вдруг ему словно кто шепнул: «Ведь этак, пожалуй, весь пискарий род давно перевелся бы!». Потому что, для продолжения пискарьего рода, прежде всего нужна семья, а у него ее нет. Но этого мало: для того, чтоб пискарья семья укреплялась и процветала, чтоб члены ее были здоровы и бодры, нужно, чтоб они воспитывались в родной стихии, а не в норе, где он почти ослеп от вечных сумерек... Неправильно полагают те, кои думают, что лишь те пискари могут считаться достойными гражданами, кои, обезумев от страха, сидят в норах да дрожат. Нет, это не граждане, а по меньшей мере бесполезные пискари. Никому от них ни тепло, ни холодно, никому ни чести, ни бесчестия, ни славы, ни бесславия... живут, даром место занимают да корм едят».